

Ночь. В воздухе витал остро-дурманящий привкус обречённости. Машины пронесившиеся мимо жужжали по моим нервам как бор-машина у стоматолога.

Я валялся на остановке как куча сваленного, отслужившего, вонючего белья и представлял себя бомжом.

Я смотрел в небо сквозь разбитую шифирину автобусной конструкции и видел фиолетовую до черноты бездну.

Я пытался увидеть звёзды, но похоже, они не хотели видеть меня, брезгливо прячась за выхлопными облаками как стыдливые скромницы. Фыркнув, я, отпустил их, прикрыв глаза рукой.

Кто я? Что, я здесь делаю? Кто меня здесь забыл, и почему боль терзает мои внутренности как стая диких оголодавших собак. Я попытался пошевелиться: руки более-менее поддавались, голова как гипсовый барельеф обещала расколоться на осколки от неосторожного движения. Представляя себя с гипсовой головой, с содранной кожей – пособием для начинающих художников, я не смог сдержать усмешки. С ногами было похуже – они бесполезно затекли и не хотели отмирать, менять своё положение. «Вот сволочи!» - выругался я, и попытался сесть. С трудом, но мне это удалось. Порывшись в карманах и вывалив кучу пустых коробок от таблеток, я задумался, а сколько я их съел. Вспомнив об этом, меня затошнило. Ну конечно, вместо того чтобы сдохнуть, меня затошнило. Но прислушиваясь к себе, я понял, «О, Чудо», нигде не болит. Ну хоть в чём то мне повезло, какой же я молодец, что хлобыснул столько обезболивающего.

Ну хорошо! А, что же дальше?

Медленно поднявшись и покряхтев, спонтанно дела, над собой, жалуясь на свою ничёмную жизнь как дряхлый старик; оттряхивая свои джинсы, – мол опрятность – друг человека, я побрёл вдоль дороги, стараясь ни о чём не думать.

Шаг, ещё один, третий,...., пятый, а, что не всё так плохо как казалось на первый взгляд. Ветер горячей испариной дышал в лицо, и если б не прилипшая бумажка от шоколадки мне в глаз, я бы ещё подумал, что жара не самое большое зло, какое могло со мной случиться.

Какие же все вокруг несносные и торопливые; маленькие тёмные фигурки, снующие как тени мимо зияющих разноцветьем витрин. Машины проносятся как кометы, оставляя за собой выхлопной хвост; и как они только на такой скорости не врезаются в друг друга, словно фигуры на шахматной доске, старательно переставляемые прозорливыми игроками.

Я был один. Без имени, без памяти, без прошлого, без судьбы! Никто не замечал меня! Меня будто бы и не существовало. Я чувствовал себя отторгнутым этим людским хаосом. И даже, если я пошлю всё матом, никто не услышит!

Раскинув пошире руки и запрокинув голову, бросая вызов тошнотворной монохромности, я заорал что было силы,- «Свобода!!!».

И!...,и мой возглас потонул в попсовой мелодии – «...пришла и оторвала голову нам чумачечая весна.....», из пронесившейся мимо иномарки.

- «Да! Даже отличиться по нормальному не дали», - загрустил я, и побрёл дальше, сложив свои воображаемые, никому ненужные крылья за плечи. Зачем орать когда никто не слышит.

Я и сам не заметил как вышел на мост. Близость воды освежала, липкая сырость холодила губы как мятная конфета.

Чёрная бесконечность воды манила меня, как тысячи серен, завлекая своими сладостными, сулящими безмятежность, голосами. И теперь, я с уверенностью могу сказать, что бездна смотрела на меня, и я чувствовал её ледяное, оставляющее ожоги на душе, дыхание. Взявшись за перила; чтобы ближе, чтобы больнее, приподнимаясь, краем глаза я заметил тёмную фигурку, жавшуюся к ограде как котёнок загнанный в угол бродячими собаками.

- Ты кто? – спросил я первое, что пришло в голову, спрыгивая с бордюра. Молчание.

- Эй, я тебя спрашиваю,- неизвестно почему, не унимался я.

- «Конь в пальто»,- пробурчало наконец-таки это нечто, - Отвали!

«Ух ты, а это весело»,- обрадовался я.

- А знаешь, я ведь раньше никогда не видел «коня в пальто», так что извиняй, но так просто я от тебя теперь не отстану.

Я уже подошёл совсем близко, что бы разглядеть заплаканного мальчишку лет четырнадцати, в коротких шортах и полинялой футболке с надписью «Fas you!».

- Слушай, «конь в пальто», ну и каким ветром тебя сюда занесло. Знаешь, в такое время здесь гуляют, либо кровопийцы, либо самоубийцы. «Вот это сказанул», - засмеялся я про себя, но поперхнулся от уничтожающего ледяного взгляда.

- Эй, погодь, - я вскинул ладони словно оправдываясь, - Но я, хороший, и маленькими мальчиками не питаюсь, смотри, у меня даже клыков нет, - оскалился я.

- Вот и иди куда шёл, «придурак», - прошипела мне сквозь зубы эта мелюзга, - мешаешь!

- Слушай, а ты, что здесь медитируешь или ...

И тут я понял.....»чёрт, надо было идти другой дорогой «.

- А, ты наверное решил прыгнуть, послать, нафиг, эту чёртовую, неудавшуюся жизнь и раствориться в тёмных водах небытия. Сбежать от отца – пьяницы, от побоев, насмешек одноклассников, от неудавшейся любви; и чтобы твоя мать склонившись над маленьким гробиком, рвала на себе волосы от горя, и от того, что не доглядела как тебе было плохо, не помогла когда было нужно, вот и пусть теперь сожалеет и винит во всём себя.

Мальчишка как-то весь встрепенулся и уставился на меня удивлёнными глазами. «Шутишь», - обалдел я, - «Я, что в точку попал, зашибись!?»

- Откуда ты всё это знаешь!? – наконец-таки выдал мальчишка.

- Стандартный набор, и к гадалкам не ходи.

- Что, слишком умный, да, нравоучения решил мне прочитать. Да, что ты обо мне знаешь. Ты никто, слышишь, никто, пустое место. Отвяжись от меня, «придурак», - «взорвалась» эта мелкая немощь, уставясь на меня огромными глазищами.

- Ну и ладно, прыгай, - спокойно сказал я, - прыгай, а я посмотрю, когда ещё придётся увидеть такое зрелище, притом, что сейчас это модно, - продолжал я, закуривая последнюю облезлую сигарету. – Ага, раз – шагнул с последнего этажа; два – мозги, кровь, слюни, живописными узорами по асфальту. Давай, сделай большой бултых в воду. Не волнуйся, никто не заметит как ты наделаешь от страха в штаны ещё не долетев до воды.

Говоря это, я отодрал от асфальта булыжник и запустил его в чёрную пустоту. Две минуты стояла тишина, а потом послышался слабый всплеск воды и снова тишина. Подойдя незаметно к перилам, словно желая рассмотреть место падения, я схватил это «насекомое» за футболку и прошипел ему прямо в испуганное лицо. -

- У тебя, что нет руки или ноги; ты чем-то смертельно болен и испытываешь адскую боль, у тебя кто то умер, чёрт тебя дери, - да, даже это не повод поступать так с собой. А, эти свои детские переживания, страхи и разочарования, - засунь их себе знаешь куда.... Жизнь на то и дана чтобы чувствовать, гореть как в огне; за день сгорать без остатка, а с утра снова воскресать, чтобы быть сожжённым. Живи, живи, чёрт тебя дери, этой кроваво-вязкой жизнью!

«Блин, что я несу», - испугался я сам себя, отпуская мальчишку. «Это кого, я сейчас так красноречиво убеждал о ценности жизни, себя или его». Мотнул головой, отгоняя безумные мысли.

- А, впрочем, поступай как знаешь, я ведь «никто», и зовут меня «никак», - и уже шёпотом, - ты мне противен.

Развернувшись, я медленно побрёл по мосту, забыв про обжигающую пальцы сигарету. Через пять минут мне было уже всё пофигу. Я подставлял лицо под струи тёплого ветра и напевал себе под нос: «а нам всё равно, не боимся мы волка и сову....», когда мне показалось, что за мной кто-то идёт. Я остановился, этот кто-то тоже остановился. Я пошёл и этот кто-то тоже пошёл; я ускорил шаг, шаги сзади тоже ускорились; тогда я побежал, этот кто-то тоже побежал следом. «Эх, весело, то как», - лыбился я в темноту, не сбавляя бег, но к моему стыду очень скоро начал задыхаться, и застыв, уперевшись руками в колени, продолжая дышать как скаковая лошадь, пропыхтел, - Ну блин, «насекомое», выходи!

Мальчишка и вправду подошёл поближе.

- Это, что твоя месть, да? – выдавил я из себя, пытаюсь отдышаться.

- Я, тебя бежать не заставлял,- повёл плечами, этот даже не запыхавшийся, наглец, - честно говоря, в первый раз встречаю таких глупых взрослых, несущихся сломя голову в темноте по покрытому булыжниками асфальту.
- С чем тебя и поздравляю, больше и не увидишь, потому что мои лёгкие сейчас взорвутся, и на одного сумасшедшего в этом мире станет меньше, - пропыхтел я как паровоз, более или менее приходя в норму.
- Ну, и чего тебе от меня надо, липучка?
- Я, не липучка, и не насекомое. У меня , между прочем, имя есть.. – обиделось это недоразумение.
- Ой, только давай без имён, лады, ты меня не знаешь, я тебя не знаю, идёт!?
- Насупился и отвернулся.
- Ну вот и хорошо, мирный договор подписан и скреплён обоюдным согласием,- поднимаясь с колен, провозгласил я.
- Ну и куда мы идём?- не выдержав нашей молчаливой, размеренной ходьбы, наконец-таки поинтересовался, мальчишка.
- Не-з-на-ю!
- Не знаешь куда ты идёшь?!
- Ага. А ты знаешь?!
- Конечно! Я иду за тобой.
- Ну вот и отлично, хоть кто-то из нас знает куда он идёт!
- Тем временем мы худо-бедно миновали мост и вышли на детскую площадку.
- Круть! – облизнулся я.
- Детский сад, - фыркнуло «насекомое».

Было по летнему темно, но старые сгорбленные фонари, нехотя освещали сиротливые лавочки и измученные дырявые песочницы. Качели жалобно поскрипывали от душного липкого ветерка, отпугивая назойливых мошек, сворой клубившихся возле потрескивающих лампочек.

Я моментально, с наслаждением плюхнулся на одну из лавочек, с хрустом в коленях, выпрямляя, ставшие почему-то непомерно длинными, ноги. Запрокинув голову, - Что, завидуешь, старикашка!? – со злорадством, посмеиваясь, нахамил я фонарю. И мне показалось, что фонарь фыркнул и потрянул своей золотой шевелюрой, потревожив тем самым, жужжащий рой мошек и камаров-людоедов.

- Ха, ты ещё с песочницей поговори, - вставило свою реплику «насекомое», усаживаясь на скрипучие до безобразия, качели, - может она тебя калачиками из песка угостит! Скрип.., скрип.., скрип...
- А? Кто-то там, что-то проскрипел,- отреагировал нехотя, я.
- Не люблю качели!
- Как я тебя понимаю,- почти простонал я, дурея от монотонной скрипучести.
- Однажды, - не унималось «насекомое», - я неудачно упал с такой вот железяки, да ещё по башке сидушкой получил. Три шва накладывали, кровячки было..!
- Да, неудачник, он и в Африке, неудачник, - не удержался, съёрдничал, я.
- Я, с другом поспорил, -надулся мальчишка, - кто выше взлетит!
- Ну как взлетел?
- Ага, взлетел, так, что качели оборвались, но самое обидное не то, что я с позором грохнулся, а то, что мы так и не поняли, кто был выше!?
- Да, глупость всегда порождает безумие; безумие тянет на подвиги, а подвиги всегда заканчиваются трагично.
- Это ты сейчас философствуешь? – съязвило «насекомое».
- Нет, просто думаю, что дальше! Слушай, а ты есть хочешь? – вдруг осенило меня.
- Ну.... – задумался мальчишка.
- А яблоки любишь? – воскликнул я, вскакивая со скамейки.
- Ну....
- Тогда пошли, - не дав договорить, я уже тащил его через дорогу.

Даже не знаю, что это была за улица, но дома возвышались по обе стороны как оборонительные крепости, то с драконом на крыше, то с гаргульями на колоннах от забора.

- Здесь, - резко затормозил я, учуяв сладковато-кислый аромат переспелых, слегка подгнивших яблок.

- Что, здесь? – удивлённо спросил мальчишка, косясь на огромный особняк в стороне которого был разбит небольшой садик с вишнями, яблоками и грушами.

- Ты яблоки любишь?-

- Ну.....

- Так давай пойдём и нарвём сколько захочешь.

- Ты хочешь сказать, что мы перелезем через этот забор, вторгнемся в чужую собственность и наворуем яблок.

- В точку.....

- Нет, по тебе точно психушка плачет..!

- Плачет, говоришь..., - переспросил я, осматривая забор и планируя как лучше его перелезть.

- Не хочешь со мной, жди здесь, - гордясь собой, сказал я, ставя ногу на кирпич; перетаскивая своё брненное тело через забор, и спрыгивая в заросли какого-то кустарника; рассмеялся, услышав тихое, «я ненавижу яблоки, придурок».

Пригнувшись, чувствуя себя хищником на охоте, я ринулся к заветной цели, краем уха слыша как материться «насекомое», пытаюсь меня догнать.

Надо сказать, что мы благополучно, даже скучно, добрались до яблок и набили ими мои карманы, и футболку «насекомого», связанную у него на груди.

- Теперь самое трудное – со всей этой добычей перелезть через забор, - умудрено заключил я.

- Думаю, что это не самое трудное на данный момент, что нам предстоит сделать, - дребезжащим шёпотом пролепетало «насекомое», показывая головой в сторону собачьего вольера со зловеще приоткрытой дверцей.

- Бежим.....! – по буквам произнёс я, срываясь на бег.

И мы рванули наперерез, через двор, по газонной траве, теряя яблоки, к спасительному забору.

Мальчишка нёсся впереди меня, побросав яблоки, с завидной быстротой. «И это чудо, сегодня хотело умереть», - усмехнулся я, отставая и чувствуя тяжёлое дыхание догоняющего меня ротвейлера. Я пытался бежать, даже когда эта псина вцепилась мне в ногу. Боль пронзила каждую клеточку моего организма, но джинсы в облипку не давали железной челюсти отхватить от меня кусок мяса. И тут на моё спасение на газоне сработала оросительная система и сотни фонтанчиков забили из земли. Я сгруппировался и швырнул яблоком в морду собаки, а чувствуя ослабление хватки, отбил бедного мокрого пса ногой, и он скуля, куда-то уполз из под фонтанчиков, прячась где-то в кустах.

Я тут же забыл про него, упиваясь прохладой и запахом мокрой травы. «Насекомое», почему то вернулось и смотрело на меня безумными глазами. Мне было весело как никогда, и я заорал, что есть мочи, - Банзай!... – подпрыгивая вверх, и хлопая в ладоши, посылая небу миллионы разноцветных брызг. Мальчишка с минуту смотрел на меня; наверное решая для себя вступать ему в ряды сумасшедших или и так хорошо, а потом как закричит, - Банзай!...и пошло всё нафиг...

И мы как дураки, бегали по фонтанчикам, то наступая, то отпуская разноцветные нити струй; брызгаясь и смеясь, пока в особняке не загорелся свет.

- Сматываемся, - скомандовало «насекомое» и боясь, что я выкину ещё какую-нибудь глупость, схватило меня за руку и потянуло к забору. Я и сам понимал, что пора убираться, получить дробью в задницу, не очень то и хотелось; но позволил мальчишке тащить себя, спасая ненормального взрослого, полностью передавая ему инициативу.

Когда мы перелезли через забор, можно сказать перевалились, сил уже совсем не оставалось, и развалившись на траве, слушали лай собаки и шум воды за забором. И только теперь я понял, что не чувствую ногу, - «неужели эта зверюга её мне откусила», - с недоумением подумал я, и представил, как хозяин утром находит мою откушенную ногу и разбросанные по газону яблоки, я ели сдержался чтобы не рассмеяться. Лежать стало неудобно и рукой нащупав в кармане завалившееся яблоко, -

- Держи, - я протянул его мальчишке, мокрому и развалившемуся рядом, - а, да, ты же их ненавидишь, - почему то добавил я, и попытался зашвырнуть яблоко в темноту.
- Давай сюда, я съем, - вдруг услышал угрюмый голос «насекомого». И тут я не выдержал и рассмеялся.

Мы смеялись так, что звенело в ушах, и кололо под ложечкой; схватившись за живот, мы со смехом выплёскивали из себя всю боль и обречённость нашего существования.

Отсмеявшись, я спросил мальчишку, - А ты где живёшь?

- Да, здесь, недалеко, - ответило задыхаясь «насекомое», чем немного меня удивило.

- Пошли, - сказал я, поднимаясь с травы и отряхиваясь. - Я отведу тебя домой, мать, то уже заждалась наверное.

Мальчишка притих, я даже испугался, что он откажется.

- Пойдём.

Мы шли молча, «насекомое» впереди, я хромая сзади.

- Вот! - вдруг сказал он, останавливаясь возле двухэтажного дома с красивым забором, ухоженным цветником.

- Мило! - вырвалось у меня.

И не успел мальчишка, с грозным видом, мне ответить, как из-за калитки выбежала женщина, её заплаканное лицо говорило само за себя.

Подбежав к мальчишке, она схватила его за футболку и со всей силы притянула к себе.

- Где, где ты был, как же я испугалась, - шептали онемевшие, пересохшие губы, а потом будто все силы, что она копила только ради этого мгновения, разом покинули её, и измученное тело, медленно опустилось на колени как сломанный цветок. Она сжимала его ноги и цеплялась за него, словно он сейчас исчезнет или раствориться как призрак её воспалённого воображения.

- Мама, почему ты босиком, простудишься, - шептало «насекомое», пытаясь поднять её с колен.

Я постоял ещё немного и развернувшись, хромая, пошёл в поджидающую меня темноту.

Но тут услышал в спину дребезжащий голос, - Почему ты сделал это для меня?

Я сначала не хотел отвечать, честно говоря, мне было просто лень, но....., всегда это «но»..

- Ты забыл вкус жизни, я напомнил. Живи «Насекомое»! - и пошёл дальше. И уже из далека, -

- Скажи мне честно, хоть раз, что ты делал на мосту?

Подумав, тихо, - Тоже, что и ты!

Не знаю услышал он или нет, да, мне это было уже и не важно.

Воскресный мальчик.

* * #

- Послушай малой, ты бы не мог подать мне пальто, вон то - чёрное, в дальнем углу?

- Сама возьмишь, не рассыпишься.

- Фи, как грубо, - усмехнулась я, пытаясь дотянуться до вешалки. - «Опять это головокружение, уже и кофе не помогает, разваливаюсь прямо на глазах - довольно-таки не приятное ощущение, словно куски мяса отслаиваются от костей. Да, сегодня явно не мой день. А было бы смешно завалиться здесь как тюк соломы...!»

- Зараза, - вырвалось у меня.

Мальчишка вздрогнул и ошетинился, как щенок, которому наступили на хвост.

- Ой, прости, это я не тебе. Просто день выдался хреновым, - прошамкала я немеющими губами, теряя сознание.

А начиналось всё так безобидно. Проходя по начищенным как новая лакированная обувь улицам, я ощущала себя ошибкой, фальшивой нотой в осенней мелодии, пахнувшего деньгами города. Холодный ветерок как нищий бродяга, заглядывая под горделиво выгнутые лавочки, и громыхая в зияющих своей неестественной чистотой урнах, в поисках опавших листьев и пластиковых бутылок, обиженно посапывал словно ребёнок, которого лишили лакомства.

«Да, «чистота - залог здоровья», но как же это грустно», - усмехнулась я, таращась на блестящие как ёлочные игрушки витрины. Но неугомонный ветер, найдя всё-таки себе применение, отвлек меня от безмолвного созерцания, раздувая полы старенького пальто мужского покроя и холодными, влажными ладонями залезая мне под свитер. «Врёшь - не возьмишь!» - прошептала я сквозь сжатые от холода зубы, и закуталась поплотнее.

«Ну, точно, то, что нужно!» - уставясь на шоколадную вывеску *Кафетерий*, уже издали заставляющую истекать слюной; подпрыгивая то ли от холода, то ли от радости, воскликнула я.

И через несколько секунд, уже стоя возле запотевшего стекла, взглядывалась в тот другой, тёплый, пропитанный запахом шоколада, дымящихся пончиков и домашним уютом замкнутый мирок, как жаркий оазис посреди оледеневшей бесконечности. Заботливые мамы с умилением следили за маленькими пальчиками обожаемых чад, указывающих на

понравившиеся пузатые пирожные. А как заботливо они вытирали запачканные крошками и кремом довольные детские рты, жующие и одновременно шебетавшие о своих впечатлениях за ещё один прошедший день их беспечной жизни.

Мне вдруг так захотелось, прижавшись носом к стеклу, соорудить как в детстве поросычью рожицу или показать язык; но я сказала себе: «Остановись, и когда ты только повзрослеешь, уже второй десяток разменяла, а всё туда же. Постыдилась бы!»

О, но какие там были пирожные и мини тортики! Расставленные на витрине во всех соблазнительных ракурсах и надрезах, демонстрируя свои аппетитные прелести и начинки, они пробуждали самые запретные мои желания. Мне хотелось их всех, и сразу, чтобы наевшись до отвала, умереть счастливой.

Не позволяя холоду и дальше надругаться над моим коченеющим телом, я подошла к «заветной дверце». От нахлынувших сладостно-пряных ароматов защипало в носу, и голова пошла кругом. Что я тогда ощутила..!? Я было в раю, и все ангелы сразу пришли меня поприветствовать, одаривая своею благодатью! Привычным движением, закинув пальто на предоставлявшую свои услуги каждому посетителю вешалку, я с удивлением заметила, как же жалко выглядело моё потрёпанное одеяние на фоне разноцветных детских курточек и дамских стильных плащей. Моё же пальто скорее напоминало намокшие крылья летучей мыши, как грязное пятно на чистых простынях. «Хорошо, что ещё пустили», - пронеслось у меня в голове.

Я уже присмотрела себе свободный столик в дальнем углу, и молилась в душе чтобы его никто не занял.

- Мне кофе с сахаром и упаковку рафинада.

Полная продавщица, с выбивающимися из-под кокетливой кружевной шапочки обесцвеченными локонами, с застывшей профессиональной улыбкой, надетой на лицо как рабочая униформа, уставилась на меня с удивлением, продолжая улыбаться.

- Будете есть много сахара, милочка, к сорока годам станете похожей на меня, - приторно проворковала она, словно пробовала на вкус одно из своих пирожин.

- Тогда мне стоит удвоить дозу, а то я рассчитывала на скоропалительную кончину, - ответила я, забирая свой заказ

По счастливой случайности столик дожидался меня в гордом одиночестве. Мало того, мне показалось, что вновь прибывшие посетители шарахались в разные стороны, словно на нём было написано «здесь съел своё последнее пирожное местный прокаженный».

«Круто!» - обрадовалась я. Я знала, что обладаю талантом отпугивать людей, но, что это заразно и пострадать могут даже неодушевленные предметы, - это было для меня приятным открытием. Усевшись на облюбованное мною место с блаженным чувством полноправного хозяина, я сладко потянулась, разминая от мороженые конечности и втягивая в себя горьковато-дурманящий запах кофе, в предвкушении райского наслаждения.

- У вас не занято? - раздался, сразу ставший для меня неприятным - голос, безжалостно раздувая мои пушистые облака, на которых я парила, греясь в лучах своего одиночества.

- Занято! - буркнула я, пытаюсь снова забраться на ускользящую высоту.

-Кем?

- Мной, разве не видно? - возмущённо отреагировала я, с вызовом уставясь на стоящих неподалёку обнаглевшего мальчишку и пожилую женщину, скорее всего его бабушку. - «Конечно, кто ещё поведёт обожаемого отпрыска на выходных полакомиться сладостями».

- Но здесь два места свободных, - не сдавался мальчишка.

- Ну и что!? Ко мне сейчас должны подойти. Так что извини, парень, ты в пролёте!

- Ничего, когда подойдут, мы уйдём, - сказал он, отодвигая стул для бабушки, и усаживаясь за столик.

Я рассыпалась на кирпичики как Вавилонская башня, так и не достигнув божественного просветления. И вот я снова как старуха у разбитого корыта - сижу в пропахшем ванилью и остывшим капучино - обычном кафетерии.

«Ладно, врага надо знать в лицо», - решила я, находя себе новое применение - из-под лобья наблюдая за навязчивым парнем и простоватой бабулей; громко потягивая кофе, давно превратившийся в кофейный напиток.

Мальчишка, с виду двенадцати лет, совсем не был похож на наглого выскочку - спокойно сидел и ел своё порожное, заливая соком, иногда проводя ладонью по волосам, машинально приглаживая торчащие в разные стороны тёмно-русые вихры. Бабуля же - раскрыв книгу и смакуя зелёный чай, вообще отсутствовала.

Я глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула: «Всё кончено - это надолго!»

Мальчишка вдруг неожиданно посмотрел в мою сторону, от чего кусок пирожного, тормознувший уже совсем у рта, смачно упал белой лепёшкой на стол,

- Растяпа! - вырвалось у меня.

- На себя посмотри! - огрызнулся он.

- Не получится, зеркала нет, - усмехнулась я, глядя в окно, и чувствуя, как он закипает, словно чайник на плитке.

- А вы любите дамские романы или мелодрамы? - услышала я приятный пожилой голос.

- Честно признаюсь, что нет. Я мало читаю литературы такого направления, и то, что мне попадалось, не произвело на меня должного впечатления, - выпалила я, сама не ожидая от себя такой отдачи.

- А мне нравится. Я расслабляюсь, погружаясь в любовные отношения героев.

«О боже, - ужаснулась я, - ну надо же из всех нормальных людей нарваться на ребёнка пафигиста и седого романтика».

- А, ну да, - это, наверное, отвлекает, - выдыхая обречённо, я уже мысленно планировала путь к бегству.

- Особенно мне нравятся: Барбара Каргланд, Джорджетт Хейер, Дафна Дюморье...

- Бабуля, - вмешался вдруг мальчишка, - давай просто отдохнём и поедим пирожные. К тому же, ей совсем не интересно то о чём ты говоришь, - и он гневно уставился на меня.

«Всё с меня хватит!»

- Да нет, всё нормально, к тому же раз мои друзья не пришли, думаю мне здесь делать больше нечего, - протараторила я, резко вскакивая со своего места. Но от выпитого кофе или от слабости голова пошла кругом, и перед глазами замелькали разноцветные пятна. «Допрыгалась!»

- Послушай, малой, ты бы не мог падать мне пальто...

* + *

- Дура, - первое, что я услышала, выныривая из темноты как солнечный зайчик, спиной ощущая холодную стену.

-А! Это ты! Похоже умереть на свободе у меня не получится.

- Идиотка!

- Слушай, что ты заладил «дура», «идиотка», я ведь и обидеться могу. И вообще тебе срочно нужно пересмотреть свой словарный запас, а не то проблем не избежать.

- А тебе срочно нужно поесть, если не хочешь умереть голодной смертью.

Я удивлённо взглянула на своего собеседника.

- Ты случайно не страдаешь раздвоением личности - то грубишь, то проявляешь человеческую заботу?

- Ну, я же не знал, что ты и в правду рассыпишься, - проворчал мальчишка, деловито присаживаясь возле меня на корточках.

- Может ей водички дать, - прощепетала с деланным беспокойством возомнившая себя крёстной феей на пенсии, снующая неподалёку продавщица.

- Почему это вы его спрашиваете, я ведь лучше знаю, хочется мне воды или нет, не так ли? - огрызнулась я, срывая на оторопевшей от такой реакции женщине, накопившую раздражённость по поводу своей беспомощности.

- О, извини, пожалуйста, я просто подумала, что вы родственники.

- Вы ошиблись.

- Да, чего ты злишься, человек тебе помочь хочет, - встрял мальчишка, нарываясь на грубость.

- Разве я просила о помощи? - ошетибилась я, чувствуя себя загнанной в угол.

Продавщица тем временем протирали соседний столик, всем своим видом изображая поруганную добродетель и недовольно зыряка в мою сторону, словно говоря: «Фи, какая плохая девочка, и что только делает возле неё этот очаровательный ангелочек».

- Спасибо тебе за всё, - взорвалась я, поворачиваясь к мальчишке, - а теперь отвали, дальше справлюсь как-нибудь сама. Цепляясь за стену, словно у меня на ладонях присоски, я медленно поднялась, стараясь не делать резких движений.

- А мы, оказывается гордые, - улыбаясь, бросил он, наблюдая за моими мучениями, задрал голову вверх и продолжая сидеть на корточках

- Мы не только гордые, но ещё «алчные и ненавистные». Ухмыляясь, я стягивала пальто с вешалки.

- Приятного чаепития, Воскресный Мальчик, - не удержалась я, съехидничать напоследок, вываливаясь в осеннюю промозглость как горячий пончик на остывшую протвень.

* * *

Блин, как хочется курить, а улица всё не заканчивается. Останавливаться в моём теперешнем состоянии слишком опасно, есть возможность остановиться надолго, со всеми вытекающими болезненными последствиями, без возможности дальнейшего передвижения. Всё что я могу - это, только свернуть в безлюдный переулок, чтобы чиркнуть зажигалкой, которую разогрели до взрывоопасного состояния мои дрожащие неугомонные пальцы, с остервенением теребившие её в кармане пальто, да настроить внутренний поисковик на нахождение автобусной остановки.

Кто-то за мной постоянно шёл. Нет, ну точно. Я резко обернулась.

-Ты! - захлебнувшись от нахлынувшего ветра, выпалила я.

- Я! Вообще то меня зовут Кристиан, можно просто Крисс.

- Шутишь?! Нет, правда, так и зовут? - неподдельно удивилась я.

- Ну, да, а что здесь такого? - насупился мальчишка.

- Да вообще то ничего, просто я привыкла к Коле, Васе, Саше, ну куда ни шло Владиславу, Святославу, но Кристиан, ты уж извини, для меня что-то новенькое.

- Ничего особенного, просто у меня отец иностранец, У него в Германии свой бизнес, - начал оправдываться Крисс.

- Ха, значит ты у нас «икра заморская, - баклажанная», - усмехнулась я.

- Хватит прикалываться. Я, что, виноват? - взвыл мальчишка.

- Ладно, вернёмся к началу. Итак, что тебе от меня надо, Крисс? А, так ты, коварный, решил воспользоваться

ситуацией и напасть на меня со спины, с целью ограбления. Волк в овечьей шкуре! - проговорила я, наклоняясь вперёд с напускным серьёзным видом.

- Совсем сдурела, у тебя, что желе вместо мозгов!? Да и зачем грабить человека, который в кафе со всякими вкусами заказывает только кофе с сахаром?

- Логично. Хорошо, убедил, воровство отпадает. Тогда, чего тебе от меня нужно?

- Просто решил проводить, а вдруг ты по дороге в обморок грохнешься. Бабушка сказала, что если я мужчина, то должен помогать окружающим.

- Ага, а это не тебя ли часом бабушка вывела на прогулку?

Мальчишка покраснел, но промолчал.

- И кстати, она в курсе, где ты сейчас?

- Угу... - промычал он, и добавил, - бабуля пока очередной роман не дочитает из кафе ни ногой.

- Ладно, пошли, - глубоко вздохнула я, смирившись, - похоже, легко отделаться от тебя всё равно не получится.

- Куда? А разве мы не на остановку собирались?

- Шутишь! Конечно, нет! Тут недалеко есть отпадный пивной бар, пропустим кружечку, другую.

Мальчишка открыл рот от неожиданности.

- Что купился!? - рассмеялась я.

- Слушай, с тобой не поймёшь где ты серьёзно, а где прикалываешься, - надулся он, - в следующий раз предупреждай!

- Если я буду тебя предупреждать, то какой смысл в шутке. Самое интересное в импровизации.

Ну... - спохватилась я, вспомнив, что разговариваю с двенадцатилетним ребёнком, - это когда говоришь что думаешь, вернее, что пришло тебе в голову в данную секунду.

- Значит, в данную секунду ты хочешь выпить?

- Ну, было бы не плохо, но нет. В данную секунду я просто хочу тебя позлить.

- О, какая вкусотища, - вдруг воскликнул мальчишка, когда мы проходили мимо похожего на пряничный домик, магазинчик сладостей.

- Да и название говорит само за себя, - усмехнулась я, читая неоновую надпись. - «Женские слабости - восточные сладости».

- Смотри сколько зефира и шоколадные фигурки, - не унимался Крисс.

- Слушай, ты же только что умял огромное пирожное?!

- Сравнила! То было как еда, а это для удовольствия.

- А, понятно, - выдохнула я, стараясь не рассмеяться.

- Обожаю сладости, - глубокомысленно вздохнул мальчишка, словно поведал свою тайну.

- Я тоже, - не сдержалась я.

- Да ну! Ты же уже взрослая, для тебя это не нормально!

- А, сам то!?

* Мне можно, я ещё ребёнок. Все дети любят сладкое.

- Наверное, ты прав, - грустно проговорила я, отворачиваясь от витрины. - Тогда я закурю, думаю для взрослых это самое оно,

- Ты что, не вздумай, - взвизгнул Крисс, так, что я от неожиданности, на несколько секунд замерла с занесённой на пол пути к сигаретам, рукой, - не хочу быть пассивным курильщиком, мои лёгкие слишком чувствительны к табачному дыму.

- Знаешь, кто ты? - еле сдерживаясь от возмущения, нависая над ним с высоты своего роста, словно грозная туча, и касаясь указательным пальцем его лба, прошипела я, - большая, нет, просто огромная заноза в заднице. - Ладно, идём, купим тебе пол кило удовольствия, - сдуваясь как воздушный шарик (я ни когда не умела злиться долго), выдохнула я, и, не давая опомниться, втолкнула его в магазинчик.

- Добро пожаловать, - сладким голосом пропела выпорхнувшая из-под прилавка продавщица, всем своим видом напоминая Белоснежку из кошмаров моих детских снов.

- Ничего особенного, просто у меня отец иностранец, У него в Германии свой бизнес, - начал оправдываться Крисс.

- Ха, значит ты у нас «икра заморская, - баклажанная», - усмехнулась я.

- Хватит прикалываться. Я, что, виноват? - взвыл мальчишка.

- Ладно, вернёмся к началу. Итак, что тебе от меня надо, Крисс? А, так ты, коварный, решил воспользоваться ситуацией и напасть на меня со спины, с целью ограбления. Волк в овечьей шкуре! - проговорила я, наклоняясь вперёд с напускным серьёзным видом.

- Совсем сдурела, у тебя, что желе вместо мозгов!? Да и зачем грабить человека, который в кафе со всякими вкусами заказывает только кофе с сахаром?

- Логично. Хорошо, убедил, воровство отпадает. Тогда, чего тебе от меня нужно?

- Просто решил проводить, а вдруг ты по дороге в обморок грохнешься. Бабушка сказала, что если я мужчина, то должен помогать окружающим.

- Ага, а это не тебя ли часом бабушка вывела на прогулку?

Мальчишка покраснел, но промолчал.

- И кстати, она в курсе, где ты сейчас?
- Угу... - промычал он, и добавил, - бабуля пока очередной роман не дочитает из кафе ни ногой.
- Ладно, пошли, - глубоко вздохнула я, смирившись, - похоже, легко отделаться от тебя всё равно не получится.
- Куда? А разве мы не на остановку собирались?
- Шутишь! Конечно, нет! Тут недалеко есть отпадный пивной бар, пропустим кружечку, другую.

Мальчишка открыл рот от неожиданности.

- Что купился!? - рассмеялась я.
- Слушай, с тобой не поймёшь где ты серьёзно, а где прикалываешься, - надулся он, - в следующий раз предупреждай!
- Если я буду тебя предупреждать, то какой смысл в шутке. Самое интересное в импровизации.

Ну... - спохватилась я, вспомнив, что разговариваю с двенадцатилетним ребёнком, - это когда говоришь что думаешь, вернее, что пришло тебе в голову в данную секунду.

- Значит, в данную секунду ты хочешь напиться!
- Ну, было бы не плохо, но нет. В данную секунду я просто хочу тебя позлить.
- О, какая вкуснотища, - вдруг воскликнул мальчишка, когда мы проходили мимо похожего на пряничный домик, магазинчик сладостей.

- Да и название говорит само за себя, - усмехнулась я, читая неоновую надпись. - «Женские слабости - восточные сладости»,

- Смотри сколько зефира и шоколадные фигурки, - не унимался Крисс.
- Слушай, ты же только что умял огромное пирожное?!
- Сравнила! То было как еда, а это для удовольствия.
- А, понятно, - выдохнула я, стараясь не рассмеяться.
- Обожаю сладости, - глубокомысленно вздохнул мальчишка, словно поведал свою тайну.
- Я тоже, - не сдержалась я.
- Да ну! Ты же уже взрослая, для тебя это не нормально!
- А, сам то!?

* Мне можно, я ещё ребёнок. Все дети любят сладкое.

- Наверное, ты прав, - грустно проговорила я, отворачиваясь от витрины. - Тогда я закурю, думаю для взрослых это самое оно,
- Ты что, не вздумай, - взвизгнул Крисс, так, что я от неожиданности, на несколько секунд замерла с занесённой на пол пути к сигаретам, рукой, - не хочу быть пассивным курильщиком, мои лёгкие слишком чувствительны к табачному дыму.
- Знаешь, кто ты? - еле сдерживаясь от возмущения, нависая над ним с высоты своего роста, словно грозовая туча, и касаясь указательным пальцем его лба, прошипела я, - большая, нет, просто огромная заноза в заднице. - Ладно, идём, купим тебе пол кило удовольствия, - сдуваясь как воздушный шарик (я ни когда не умела злиться долго), выдохнула я, и, не давая опомниться, втокнула его в магазинчик.

- Добро пожаловать, - сладким голосом пропела выпорхнувшая из-под прилавка продавщица, всем своим видом напоминая Белоснежку из кошмаров моих детских снов.

«Похоже, у всех продавщиц сложился не правильный стереотип подачи себя любителям полакомиться сладостями, как бы от перенасыщения таким обилием кремовых декораций не возымел своё действие обратный тошнотворный эффект».

- Ага, - сказала я, в наглую игнорируя её присутствие и подталкивая открывшего было рот Крисса, к лотку со сладостями. - Давай, выбирай!

Мальчик продолжал тарашиться на продавщицу.

- Не хочу тебя разочаровывать, но это не настоящая Белоснежка, а тетя, переодевшаяся в дурацкое платье с глупыми оборками.

Девушка не добро покосилась на меня, но промолчала «Ещё бы, - усмехнулась я, - «клиент всегда прав» - наверное, где-то сидят «добрые гномы», и только и ждут повода, чтобы урезать зарплату».

- Ну что, выбрал?
- Ага. Я буду вот это и это, - проговорил смущённо Крисс, вскользь кивая головой.
- Девушка, - совсем обнаглев, позвала я продавщицу серьёзным тоном, - нам пол кило арахиса в йогурте и вот этого (уж больно подозрительной и трудно выговариваемой показалась мне надпись, и чтобы не опозориться произнося её в слух, я решила заменить коварное название на простое слово - «это»), тоже пол кило, да и ещё вон того шоколадного кота.
- Я же не просил, - возмутился мальчишка.
- Да ладно тебе, поставишь на видное место, смотри какой красавчик, только не ешь его, он не вкусный.

Продавщица так и замерла с бумажным пакетом, не зная как на такое реагировать.

- Большое спасибо, - пропела я, забирая у неё пакет. - Удачной торговли.

Выйдя на улицу, я всучила Криссу «Восточные сладости».

- Держи свои удовольствия, - и весело взлохматил волосы на его макушке. - Следующее место назначения -

«Автобусная остановка».

- Послушай, - вдруг как то грустно заговорил Крисс, - а ты часто бываешь в том кафетерии?

- В кафетерии? А? Да нет, я вообще случайно туда зашла, так погреться.

- Понятно! А я каждую неделю по воскресеньям.

- Ты чего скис?! Эго же так здорово - раз в неделю объедаться всякими вкусностями, можно перепробовать весь представленный ассортимент. Круто.

- Я бы так не сказал, - проговорил мальчишка, всё больше пряча лицо за ширмой вьющихся волос. «Да что с ним такое? Тоска? Грусть? Одиночество? Он же ещё ребёнок. Это болезни взрослых. У детей срывает иммунитет. Дети не понимают что такое смерть, и не осознают её последствий, они эгоистичны, и искренне верят, что весь мир вращается только вокруг них - поэтому они патологически счастливы». Но, глядя на хрупкую фигурку Крисса с прижатым к груди бумажным пакетом, я вдруг осознала, что этот мальчик глубоко несчастен. Внутри у меня всё сжалось от болезненного чувства несправедливости и трагичности к его судьбе, в которой уже проявляются признаки разрушения.

- Эй, послушай меня, - я присела перед Криссом на колени, стараясь, сравнясь с ним и по росту, и по возрасту, и по мироощущению. Убирая со лба непослушные пряди, чтобы видеть его глаза, заговорщицким тоном прошептала, - хочешь, я открою тебе свою тайну?

Он молчал, наверное, опять не знал, как на меня реагировать.

- Ладно, молчание знак согласия, - ответила я за него. - В то кафе я зашла не случайно ... зловещая пауза... я ждала тебя.

- Да ну! Это ведь я первый к тебе подошел, - наконец таки прореагировал Крисс.

- Верно. Но это я внушила тебе, чтобы ты подошёл именно к моему столику.

- Я подошёл к твоему столику только потому, что все остальные были заняты, - не сдавался мальчишка.

- Я сделала так, что все места были заняты кроме тех, что возле меня. Как ты думаешь, почему в переполненном кафе два места всё ещё пустуют... ?

«Да, если над этим хорошенько задуматься, и правда, почему?! Стоп, кого я обманываю себя или Крисса?» - крутилось у меня в голове.

- Да потому, что так было предрешено. Ты должен был сесть именно за мой столик.

- Зачем!?

«И, правда, зачем? Ну, ты даёшь, совсем завралась», - потешалось надо мной моё второе я.

- Ты спрашиваешь зачем? Да чтобы сказать, что теперь у тебя всё будет хорошо. Начиная вот с этого самого мгновения, в твоей жизни как по волшебству всё изменится в лучшую сторону. Раз, - я щёлкнула пальцами прямо перед его носом, - и ты счастлив. И чтобы с тобой не происходило, ты будешь ощущать согревающую теплоту, вот здесь, - проговорила я, притрагиваясь к его куртке в области сердца. Понял!?

- Да понял я, - смутился он. - Только у тебя пальто выпачкалось.

- Чёрт побери, - выругалась я, вскакивая с колен.

А мальчишка уже надрылся от хохота.

«Надо же, действует», - с надеждой подумала я, не сдерживая смеха.

На остановке мы стояли молча, ожидая моего автобуса. Холодный ветер загнал нас за постанывающую от его бесцеремонного натиска, тонкую перегородку. Всё-таки какое-никакое, а укрытие. Первым молчание нарушил Крисс.

- Всё, что ты мне сказала – это правда?

- Конечно, - и глазом не моргнув, соврала я. – Хочешь проверить? Тогда давай так! Если сей час из подъехавшего автобуса выходит женщина - я сказала правду, а если мужчина - «если» быть не должно.

- Давай, если выходит женщина с ребёнком, - нарывался Крисс.

«Ну, это уже слишком», - ошетибилась я, и не задумываясь сказала, - давай.

Двери медленно раздвигались, а наше напряжение нарастало до точки кипения. Сначала в дверях появилась женщина, а потом у неё из-за спины выскочила девочка лет пяти, которую мамаша моментально схватила за руку.

Я, открыв рот, наблюдала за их передвижением. «Ну и как? Что ты на это скажешь, совпадение или подтверждение.

Если совпадение – то на грани невозможного», - пытался философствовать мой внутренний голос. – «Может мне тоже стоит поверить», - пронеслось у меня в голове.

- Видишь, я же говорила, - торжествовала я, глядя в ошарашенное лицо Крисса. – Ну, а теперь пора прощаться, вообще то это мой автобус.

- А!? – удивлённо посмотрел он на меня.

- «Ваше время истекло», - пропела я, стараясь подражать голосу из сказки про золушку, - да и вообще, бабушка, наверное, уже волнуется. Дорогу назад найдёшь?

- Найду, - тихо прошептал он срывающимся голосом, а потом уткнулся лбом в моё пальто. Я слегка обняла его за плечи, словно пытаюсь спрятать от ветра или от жестокости этого мира, с которой ему ещё придётся столкнуться и не раз, и не известно кто выйдет победителем.

- Я буду в том кафе каждую неделю, по воскресеньям, - тихо проговорил он.

- Да помню, - проворчала я в ответ, протискиваясь к дверям автобуса.

- Тогда до встречи, - донеслось до меня уже из-за закрытых дверей.

И прождав минут пять, в каком то онемевшем состоянии, я вдруг почувствовала внутреннюю теплоту, и только сейчас поняла, что за долгие годы моего одиночества, мне в первый раз не было холодно.